

Ф. И. Уманец

**Русско-литовская партия в Польше 1574-1576
года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
У52

У52 **Уманец Ф.И.**
Русско-литовская партия в Польше 1574-1576 года / Ф. И. Уманец – М.: Книга по Требованию, 2013. – 39 с.

ISBN 978-5-518-07164-3

ISBN 978-5-518-07164-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ную облаву. Нѣсколько разъ приходилось ему нырять въ воду для того, чтобы спасти голову отъ брошеннаго камня. Въ такомъ положеніи пробылъ онъ пятнадцать часовъ и выбрался только слѣдующею ночью, оставивъ въ болотѣ сапоги и шапку. Оборванный, въ грязи, съ помятыми боками, онъ попалъ на глаза референдарію Чарнковскому, когда тотъ возвращался изъ погони за Генрихомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Краковъ въ самый разгаръ волненія, вызваннаго вѣстью о бѣгствѣ Генриха ¹⁾).

Волненіе это начало принимать такіе размѣры, что можно было опасаться за жизнь Французовъ и Швейцарцевъ, оставленныхъ Генрихомъ въ Краковѣ. Но Шибракъ объявилъ, что король все предвидѣлъ и уже написалъ королевѣ-матери (Екатеринѣ Медичи), чтобы, въ случаѣ задержанія въ Польшѣ Французовъ, были задержаны во Франціи всѣ проживавшіе тамъ Поляки. За Французовъ вступилась инфантка Анна, литовскій магнатъ князь Николай Криштофъ Радзивиль, прозванный Сироткой, еще прежде знавшій о намѣреніи Генриха покинуть Польшу, наконецъ, всѣ благоразумные люди. Преслѣдованіе Французовъ въ Польшѣ непременно отозвалось бы на Полякахъ во Франціи. Впослѣдствіи оказалось, что во Франціи уже все было приготовлено для того, чтобы „воздать око за око и зубъ за зубъ“ и только прибытіе Соликовскаго, одного изъ агентовъ приверженной Генриху партіи, заставило французское правительство оставить мысль о репрессаліяхъ ¹⁾).

Если нельзя было отомстить Французамъ, то ничто не мѣшало сорвать зло на „своихъ“. Восвода подоольскій Мелецкій, болѣе другихъ противившійся избранію Генриха, послѣшилъ теперь въ Краковъ и, встрѣтивъ здѣсь воеводу краковскаго Петра Зборовскаго, публично бранилъ его какъ главнаго виновника французской кандидатуры. На Прошевицкомъ сѣздѣ, родной племянникъ Зборовскаго, Стадницікій бросился на него съ саблей въ рукахъ. Такимъ же оскорбленіямъ подвергся другой виновникъ избранія Генриха, епископъ Куявскій Карнковскій и при томъ подвергся имъ въ Великой Польшѣ, то-есть, въ мѣстности, гдѣ онъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ. Шляхтичъ Мышковскій не только бранилъ его, но даже ранилъ коши, на которомъ сидѣлъ епископъ ²⁾. Русская шляхта, съѣхав-

¹⁾ *Niemcewicz* «Zbiór Pamiętnikow», I, 289.

²⁾ *Solikowski* «Pamiętnik», стр. IV; *Heidenstein* «Dzieje Polski», I, 155; *Orszelski*, II, 6.

³⁾ *Heidenstein*, I, 157; *Orszelski*, II, 10.

паяся въ Львовѣ, напала на своего бывшего и будущаго кумира — Замойскаго ¹⁾). Архіепископа-примаса Якова Уханскаго оскорбляли менѣе другихъ, но и то только потому, что всѣ считали его выжившимъ изъ ума старикомъ и никому не пришло въ голову приписать его изобрѣтательности массу интригъ, способствовавшихъ возведенію Генриха на польскій престолъ. Какъ бы то ни было, но и Кариковскій, и Уханскій сочли за лучшее сидѣть дома и не показываться на сѣздахъ и сеймикахъ ²⁾).

Первая мысль, просвѣчивающая въ Польшѣ среди неурядицы, произведенной отъѣздомъ Генриха — это мысль о денежной сдѣлкѣ съ бѣглецомъ. Папскій нунцій доноситъ на третій или четвертый день послѣ бѣгства, что вельможи сначала очень разсердились, но потомъ, благодаря посредничеству инфантки и объясненіямъ повѣреннаго Генриха (вѣроятно Шибрака), успокоились и рѣшились просить у короля денегъ для защиты отъ Москвы. „Въ такомъ случаѣ, пишетъ нунцій, онъ можетъ быть увѣренъ въ сохраненіи польской короны“ ³⁾). Точно мы присутствуемъ въ Польшѣ XVIII вѣка, гдѣ денежная сдѣлка чувствуется всюду, какъ общій знаменатель. Не лишнимъ будетъ замѣтить, что краковскій замокъ былъ ограбленъ въ первый же день послѣ бѣгства Генриха и что многія изъ похищенныхъ вещей оказались впоследствии у главнаго камергера (родкомогу) короля, Тенчинскаго. Когда Генрихъ потребовалъ эти вещи, Тенчинскій отвѣчалъ, что онѣ взяты имъ въ счетъ жалованья, а потомъ сказалъ, что онѣ ему подарены ⁴⁾). Трудно рѣшить, у кого память была короче: у польскаго магната или у французскаго короля.

Отъѣздъ короля послужилъ въ Польшѣ сигналомъ для грабежей. Войска республики, давно стоявшія безъ жалованья, захватили на Руси ⁵⁾ нѣсколько староствъ, выгнали законныхъ владѣльцевъ и распоряжались ихъ имуществомъ не лучше непріятели. Они ссылались на какую-то квинтапцію Генриха, будто позволявшую это самоуправство въ случаѣ если, къ извѣстному сроку, жалованье не будетъ уплачено ⁶⁾). Навель Уханскій, родственникъ архіепископа, воспользо-

¹⁾ Тамъ же, 157.

²⁾ *Orselki*, II, 11.

³⁾ *Theiner*, «*Baronii Continuatio*», I, 422.

⁴⁾ *Heidenstein*, I, 156.

⁵⁾ На основаніи Люблинской уніи, русскія воеводства составляли оенціально часть «Короны», то-есть, собственно Польши.

⁶⁾ *Orselki*, II, 27, 32; *Heidenstein*, I, 158.

вавшись довѣріемъ Юрія Мнишка, завладѣлъ принадлежавшимъ послѣднему староствомъ Красноставскимъ и, въ то же время, Претвичъ завладѣлъ имѣніемъ Уханскаго. Прежде чѣмъ Уханскому удалось справиться съ Претвичемъ, Мнишки повели противъ него самого правильную осаду. Армію Мнишковъ составляли не только ихъ собственныя надворныя войска, но и мѣстная шляхта; въ дѣло пошла артиллерія и Мнишки одержали побѣду ¹⁾. Альбрехтъ Ласскій, воевода Сѣрадзскій, захватилъ у вдовы подканцлера Вольскаго замокъ Ляницкорунь (недалеко отъ Кракова). Когда рѣшеніемъ третейскаго суда было постановлено, чтобы онъ возвратилъ Ляницкорунь его законной владѣлицѣ, Ласскій медлилъ исполнить рѣшеніе, а потомъ, когда Вольская настаивала, прямо объявилъ, что онъ „не привыкъ слушать бабьихъ приказовъ“, отстоялся отъ посполитаго рушенія, которое на него было поднялъ мѣстный воевода Петръ Зборовскій и распорядился въ Ляницкорунь какъ законный владѣлецъ. Ласскій тоже ссылался на какой-то документъ, присланный королемъ изъ Ліона ²⁾. Мы могли бы привести еще много жалобъ на разбой и самоуправство, проявлявшіеся въ Польшѣ около этого времени...

Волей-неволей всѣ вспомнили теперь слова покойнаго Фирлея на избирательномъ сеймѣ 1573 года: „Милостивые государи и братья! Для меня очевидно, что этотъ король, котораго, по волѣ Божіей, за грѣхи наши, намъ навязываютъ насильно, не принесетъ намъ ни малѣйшей пользы; напротивъ, намъ слѣдуетъ ожидать отъ него всякаго зла... Тѣ, которые были всему этому причиной, будутъ со временемъ каяться и увидятъ, до чего они унизили польскую корону. Я уже старъ и не надѣюсь дожить до этого. Но вы — люди молодые, сами увидите и испытаете“ ³⁾.

Фирлея дѣйствительно уже не было въ живыхъ. Носились слухи, что онъ отравленъ ⁴⁾. Тогдашній, волновавшейся на улицахъ Кракова, не къ кому было обратиться за совѣтомъ. Мелецкій—политическій другъ Фирлея — также какъ и Фирлей не пользовался популярностью, потому что не умѣлъ заискивать у шляхты. Всѣ же другіе политическіе дѣятели, пользовавшіеся довѣріемъ шляхты, въ одно мгновеніе потеряли свою популярность. Ихъ подозрѣвали въ стачкѣ съ коро-

¹⁾ *Orszelski*, II, 32; *Heidenstein*, II, 55, 56—68.

²⁾ *Orszelski*, II, 55, 56—68.

³⁾ *Kronika M. Bielskiego*, 1317.

⁴⁾ *Heidenstein*, I, 159.

лемъ, обвиняли въ угодничествѣ и верадѣніи, и т. д. Дѣйствительно, всѣмъ бросалось въ глаза, что эти „стражи республики“ и главные совѣтники короля упустили изъ виду возможность его бѣгства во Францію въ то время, „когда даже бабы толковали объ этомъ на рынкѣ“¹⁾.

Литва приняла извѣстіе объ отъѣздѣ Генриха совершенно не такъ, какъ Польша. Относительное равнодушіе Литвы къ этому событію зависѣло прежде всего отъ того, что литовская шляхта, воспитанная въ болѣе деспотическихъ преданіяхъ, не находила ничего неожиданнаго или чрезвычайнаго въ томъ, что король уѣхалъ, не спросивъ сейма. Къ тому же, избраніе Генриха, на сколько оно зависѣло отъ Литвы, было домашнимъ дѣломъ нѣсколькихъ семействъ, олигархически управлявшихъ Литвой. Всѣ онѣ были равно виноваты, слѣдовательно, некого было обвинять, не съ кого взыскивать. Что же касается до литовской шляхты, то она пользовалась гораздо меньшимъ общественнымъ вѣсомъ, чѣмъ польская. Словомъ, въ Литвѣ было меньше людей, способныхъ выносить соръ изъ избы и кричать слишкомъ громко.

Но если въ Литвѣ, по поводу отъѣзда Генриха, не было и не могло быть никакихъ упрековъ, брани, шума и т. п., то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы тамъ все обстояло благополучно. Наѣзды, убійства, нападенія на личность и имущество или своимъ чередомъ. Возникавшія безпокойства зависѣли отъ мѣстныхъ причинъ и не имѣли никакой связи съ бѣгствомъ. Литовскія партіи гораздо болѣе были заняты своими личными счетами, чѣмъ посторонними событиями.

Радзивилы прежде всѣхъ начали готовиться къ избранію. Надобно замѣтить, что у литовско-русскихъ магнатовъ этого времени было въ обычаѣ имѣть, въ разныхъ мѣстахъ, своихъ погласныхъ агентовъ „dla wywiadowania spraw wszelakich“—какъ сказано въ одномъ частномъ письмѣ²⁾. Константины Острожскій, Мелецкій, Яловецкій имѣли ихъ въ Крыму и даже Константинополѣ; Ходкевичи и Радзивилы преимущественно наблюдали за Москвой и Короной (то-есть, Польшей въ тѣсномъ смыслѣ слова). Агентомъ Радзивиловъ въ Польшѣ, со времени смерти Сигизмунда Августа до бѣгства Генриха, былъ одинъ изъ членовъ этой же фамилии Николай Крыштовъ Радзивилъ. Ходкевичи не нуждались въ агентѣ, который занималъ бы такое вы-

¹⁾ Bielski. Kronika, 1341.

²⁾ Р. И. П. Б., F, 181, польск. Письмо Стшебоша отъ 16-го января 1576 г.

сокое общественное положеніе. Ихъ сестра была за воеводою краковскимъ Петромъ Зборовскимъ и потому фамильное вліяніе въ Польшѣ и при дворѣ было, въ извѣстной степени, обезпечено. Какъ бы то ни было, но и Ходкевичи почти всегда имѣли въ Польшѣ человѣка, который доносилъ имъ о всемъ¹⁾).

Близость ко двору и умѣніе сойтись съ королемъ Генрихомъ дали Николаю Крыштофу возможность первому проникнуть въ его намѣренія и первому прислать въ Литву вѣсти о предстоящей переменѣ. Въ письмѣ отъ 15-го іюня 1574 года (то-есть, написанномъ за три дня до бѣгства) онъ говоритъ между прочимъ: „Ваша княжеская милость знай навѣрно, что государь нашъ поѣдетъ во Францію царствовать. Пока всѣ съѣдутся на сеймъ, это должно оставаться тайной. Одно пока его удерживаетъ— это чтобы мы на него не плакались. За это Богъ ему заплатитъ... Намъ Литвѣ всего хуже. А казалось, для нашей фамиліи все пошло хорошо“. Далѣе Николай Крыштофъ совѣтуетъ во-время подумать о будущемъ государѣ и постараться войти въ соглашеніе съ Ходкевичемъ. „Ты знаешь каковъ онъ“, внушительно замѣчаетъ Николай Крыштофъ. Вслѣдъ за этимъ совершилось бѣгство короля и Николай Крыштофъ уѣхалъ въ Литву, чтобы принять личное участіе въ предстоящихъ работахъ по части соглашенія.

Такъ какъ во главѣ вельможъ, олигархически управлявшихъ въ это время Литвой, стояли Ходкевичи и Радзивилы, то, чтобы познакомиться съ литовскими дѣлами, надо прежде всего уяснить тенденціи и характеръ этихъ двухъ фамилій.

Глава Радзивиловъ, Николай Юрьевичъ, великій литовскій гетманъ, воевода виленскій и канцлеръ литовскій (къ которому адресовано предыдущее письмо) вообще велъ себя чрезвычайно сдержанно. Передъ нами—человѣкъ осторожный, не затѣвающій никакихъ интригъ, во всемъ соблюдающій интересы „радзивиловскаго дома“ и изрѣдка, какъ бы для очистки совѣсти, совмѣстно съ другими вельможами, подписывающій протесты противъ отдѣленія русскихъ воеводствъ отъ Литвы и Польши. Но можно думать, что литовское чувство говорило въ немъ нѣсколько живѣе, когда онъ, тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, устроивъ коронацію своей родной сестры Варвары, жены Сигизмунда Августа, давалъ королю совѣты „не какъ Полякъ, а какъ Литвинъ“. Но и тогда Николай Юрьевичъ умѣлъ изъ всего извлекать выгоду.

¹⁾ Р. И. П. В., Г, 181, польск. Письмо 26-го сентября 1574 г.

Сигизмундъ Августъ выхлопоталъ для него у императора княжескій титулъ, но держалъ въ удаленіи отъ двора ¹⁾. Подъ старость Николай Радзивилъ сдѣлался совершенно практическимъ человѣкомъ. Получивъ письмо племянника, въ которомъ онъ предупреждаетъ о намѣреніи Генриха уѣхать во Францію, Николай Юрьевичъ слышитъ послать ему подробную инструкцію, какъ воспользоваться послѣдними днями пребыванія короля въ Польшѣ и извлечь изъ него все, что только можно, а именно: патентъ на гетманство для самого воеводы и конфирмацію всѣхъ законовъ и правъ для Литвы ²⁾. Забота напрасная, потому что письмо могло прійти въ Краковъ уже тогда, когда Генрихъ былъ, по крайней мѣрѣ, въ Вѣнѣ или Венеціи.

Радзивилы этого времени принадлежали двумъ вѣроисповѣданіямъ: кальвинистскому и католическому. Воевода виленскій принадлежалъ къ первому. Интересно видѣть, какъ этотъ умный кальвинистъ, окруженный протестантскими учеными и богословами, протежируетъ своего племянника Юрія Радзивила на пути къ кардинальству ³⁾ и доставляетъ своей сестрѣ Варварѣ способы выполнить бернардинскій уставъ ⁴⁾. Вѣроятно, панъ-гетманъ держался того мнѣнія, что всѣхъ людей не переучишь на свой ладъ и что извѣстная доля глупости и заблужденія должна быть терпима во всѣхъ человѣческихъ дѣяніяхъ. Не видно, чтобы онъ придавалъ особенное значеніе патриотическимъ (съ литовской точки зрѣнія) донесеніямъ своего племянника.

Этотъ племянникъ, Николай Крыштофъ Радзивилъ по прозванію „Сиротка“,—тотъ самый, письма котораго мы привели выше—носитъ на себѣ всѣ признаки упадка національно литовскаго чувства и измельчанія характеровъ. Николай Крыштофъ представляетъ типъ молодого человѣка, у котораго, выражаясь языкомъ казаковъ XVII вѣка, литовскія кости быстро обростали польско-католическимъ мясомъ. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ своей карьеры, онъ является болѣе горячимъ литовскимъ патриотомъ, чѣмъ всѣ другіе члены радзивилловской фамиліи. Надобно сказать, откуда взялась у него патриотическая струнка и почему она исчезаетъ въ немъ подъ старость.

¹⁾ *Balinski*, *Pisma Historiczne*. I, 191, 244, 250, 251.

²⁾ *Рук. Им. Публ. Библ.*, F, 185, польск. Это письмо тоже почти вполнѣ приведено въ книгѣ *«Вирожденіе Польши»*, 338—339.

³⁾ *Рук. Им. Публ. Библ.*, F, 185, польск. Письмо Николая Крыштофа отъ 17 сентября 1574.

⁴⁾ *Balinski*, I, 63.

Объ отцѣ Николая Крыштофа, Николаѣ Радзивилѣ Черномъ, говорили, будто онъ самъ имѣеть виды на великокняжескую литовскую корону и, по этой причинѣ, упорно сопротивляется уніи великаго княжества съ Польшей. Николай Радзивилъ умеръ; люблинская унія совершилась безъ него; остались малолѣтніи дѣти. Невозможно судить о томъ, на сколько основательны слухи, ходившіе о Николаѣ Радзивилѣ, но уже одного существованія этихъ слуховъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ его домашней обстановки. Очевидно, въ его домѣ, среди польской рѣчи и кальвинистской проповѣди, прорывалась идея литовскаго обособленія. Въ такомъ аристократическомъ семействѣ какъ Радзивилы, гдѣ все дышетъ преданіемъ, гдѣ старыя понятія передаются какъ принадлежность фамиліаго наслѣдства, взглядъ Николая Чернаго на литовскія дѣла не могъ исчезнуть съ его смертью. Его политическія тенденціи, встрѣтивъ сопротивленіе исторіи, не могли передаваться въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, но, по крайней мѣрѣ, первое поколѣніе, по крайней мѣрѣ его старшій сынъ Николай Крыштофъ долженъ былъ болѣе или менѣе продолжительное время оставаться подъ впечатлѣніемъ отцовской политики и смотрѣть на Литву отцовскими глазами. Поэтому, когда Николаю Крыштофу пришлось выступить на политическое поприще (въ послѣдній годъ жизни Сигизмунда Августа и почти во все первое безкоролевье онъ прожилъ въ Польшѣ въ качествѣ негласнаго представителя Литвы или, точнѣе, радзивилловскихъ интересовъ) онъ началъ съ того, что осаждалъ своего дядю письмами въ ультралитовскомъ духѣ ¹⁾.

Но этотъ литовско-патріотическій жаръ продолжался не долго. Николай Крыштофъ скоро почувствовалъ, что польскіе порядки, въ сущности, не только не заключаютъ въ себѣ ничего враждебнаго для Радзивилловъ, но, какъ порядки въ высшей степеніи аристократическіе, очень для нихъ выгодны. По своей матери, урожденной Шидловецкой, по замужеству своихъ сестеръ онъ имѣлъ многочисленное польское родство. Наконецъ, его сближалъ съ Польшей тотъ фанатическій католицизмъ, которымъ онъ рано ознаменовалъ свою жизнь.

Съ Николаемъ Крыштофомъ, около двадцатилѣтняго возраста, случилось одно изъ тѣхъ обращеній, которыя чрезвычайно часто повто-

¹⁾ Рух. Им. Пуб. Библ. F, 185, польск. Письма за 1572 годъ. Они напечатаны въ приложеніи къ соч. г. Трачевскаго «Первое безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ»; см. также «Вырожденіе Польши», глава I.

рялись въ Польшѣ послѣдней четверти XVI вѣка. Отецъ его былъ ревностный кальвинистъ, покровительствовалъ реформатскимъ ученымъ, великолѣпно напечаталъ польскій переводъ Библии и издалъ кальвинистскій катехизисъ на русскомъ языкѣ. Сынъ—если вѣрять католическимъ біографамъ—довелъ отцовское направленіе до крайности: наряжалъ свою дворню въ монашеское платье, и въ такомъ видѣ давалъ шутовскія представленія. Но вотъ начинаются чудеса: то оживаетъ жаренный пѣтухъ, уже поданный къ столу, то полудикій конь, подаренный Сироткою какому то католическому монаху, вдругъ превратился въ смиренную лошадь... Сомнѣніе закрадывается въ душу юноши. Онъ вспомнилъ, какъ однажды, въ отвѣтъ на религіозный вопросъ, отецъ сказалъ ему: „самъ разумъ имѣешь, пусть онъ научитъ тебя что дѣлать, а же ничѣмъ не могу тебѣ помочь, да и насторн наши не могутъ разрѣшить всѣхъ сомнѣній“. Сиротка сдѣлался католикомъ и при томъ католикомъ, который ни передъ чѣмъ не останавливается для достиженія религіозныхъ цѣлей.

Фанатизмъ развивался въ немъ съ годами. Находясь въ первое безцаревье въ числѣ членовъ посольства, предлагавшихъ Генриху польскую корону, онъ присталъ къ той партіи, которая, къ стыду всего посольства, объявила, что пунктъ о вѣротерпимости внесенъ въ *Articuli Henriciani* безъ общаго согласія ¹⁾. Въ данную минуту онъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы облегчить своему брату, семнадцатилѣтнему Юрію, дорогу къ епископству и кардинальству и перенести тѣла своихъ родителей, умершихъ въ кальвинизмѣ, въ католическій костелъ ²⁾. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ воздвигъ въ сво-

¹⁾ *Вырожденіе Польши*, 305—307.

²⁾ «Я увѣронъ, пишетъ Николай Крыштоѡъ свосму дядѣ, что ваша милость желаетъ этой чести (коадьюторства виленскаго епископа; коадьюторъ—помощникъ епископа по управленію скархіей и, обыкновенно, его преемникъ по кафедрѣ) пану Юрію; чѣмъ выше онъ поднимется, тѣмъ усерднѣе будетъ служить вамъ» (*Рук. Имп. Публ. Библ.*, F, 185, письмо 17-го сентября 1574 года). Въ то же время онъ изъясняетъ намѣреніе удалить кальвинистскій молитвенный домъ изъ отцовскаго дворца, потому что будто онъ служитъ препятствіемъ для коадьюторства. Отвѣтъ виленскаго воеводы намъ неизвѣстенъ. Вообще Николай Крыштоѡъ объ этомъ предметѣ высказывается передъ дядей чрезвычайно осторожно, и, оставляя въ тѣни фактъ закрытія протестантской церкви, старается только выставить, какъ выгодно для Радзивиловъ если одинъ изъ нихъ будетъ коадьюторомъ виленскаго епископа. Но позднѣйшая переписка съ паной бросаетъ совершенно иной свѣтъ на поступокъ лицемернаго фанатика. Въ этомъ молитвенномъ домѣ были погребены останки его отца и матери, умершихъ въ

ихъ имѣніяхъ гоненіе на протестантовъ; дорогою цѣной скупалъ Библию изданную его отцемъ, и сжегъ почти все изданіе; ѣздилъ въ Іерусалимъ, мучилъ себя постами и дисциплиной. Понятно, какой разрывъ вносилъ его фанатизмъ въ семейныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, національно литовскія преданія. Не могъ же онъ, попирая ногами одну часть отцовскаго идеала, оставаться вѣрнымъ другой. И вотъ, литовская нота становится все слабѣе и слабѣе въ письмахъ Сиротки; на ея мѣсто выдвигается „Радзивилловская фамилія“. „А казалось бы, для нашей фамиліи все такъ хорошо пошло“, восклицаетъ онъ по поводу внезапнаго отъѣзда Генриха. Поведеніе же короля нисколько не возмущаетъ его нравственнаго чувство ¹⁾).

Нравственное состояніе Николая Крыштофа отчасти объясняется его физическимъ недугомъ. Въ молодости онъ заболѣлъ сифилисомъ и потомъ никакіе доктора и никакіе бальзамы не могли его излѣчить. Нервная система была потрясена; разстроеннымъ воображеніемъ воспользовались іезуиты; тѣсный домашній кругъ, въ который онъ заключился впоследствии, окончательно сдузилъ его возрѣнія.

Замѣчательно, что фальшивость характера соединилась въ Николаѣ Крыштофѣ съ какою-то наивностью. Фанатическій воспитанникъ италіанскихъ іезуитовъ, онъ вполне усвоилъ себѣ правило „цѣль оправдываетъ средства“. Во имя этого правила, онъ измѣнилъ своимъ посольскимъ обязанностямъ во Франціи и, какъ увидимъ ниже, подговаривалъ дядю „ни за что, ни про что“, отравить московскаго

кальвинизмъ. По понятіямъ Николая Крыштофа церковь, въ которой признается кальвинистская молитва, есть ничто иное, какъ иудейская «синагога». Съ другой стороны, благодаря чисто матеріальному представленію о будущей жизни, онъ полагаетъ, что костямъ родителей, умершихъ въ лонѣ такой противной ереси какъ кальвинизмъ, будетъ гораздо легче, если ихъ перенесутъ въ католическій костелъ. Въ силу такихъ соображеній онъ рѣшилъ, *ad Dei gloriam*, построить католическій костелъ въ такой части Вильны, въ которой, въ эту эпоху, находились однѣ только диссидентскія церкви, и перенести туда «секретно», не возбуждая чьего либо вниманія, прахъ отца и матери, а протестантскую моленную, помѣщавшуюся во дворцѣ, по раздѣлу доставшемся Сироткѣ, разрушить такъ, чтобы отъ него не осталось «ни камня, ни воспоминавія». Сироткѣ удалось разрушить «синагогу», въ которой молились его отецъ и мать, но папа Григорій XIII отказалъ ему въ дозволеніи перенести прахъ родителей въ католическій костелъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что это было бы противно церковнымъ канонамъ и не только возбудило бы скандалъ между католиками, но и вызвало бы насмѣшку еретиковъ. (*Theiner «Vagonii Continuatio», II, 405—406.*)

¹⁾ *Вывожденіе Польши, 336—337.*

посла, ѣхавшаго на избирательный сеймъ. Но, въ то же время, онъ отказывался отъ почетныхъ должностей и любилъ разыгрывать роль „благочестиваго селянина“, занятаго своими садами и постройками, свадьбами многочисленныхъ племянниковъ и племянницъ и семейными торжествами близкихъ знакомыхъ. Впрочемъ, все это относится къ позднѣйшему времени. Теперь же, напротивъ, Николай Крыштофъ жаждалъ общественной дѣятельности и искалъ случая отличиться.

Просматривая послѣдующую переписку Николая Крыштофа, можно замѣтить, что онъ былъ если не въ дружбѣ, то въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ своимъ сверстникомъ и троюроднымъ братомъ, сыномъ виленскаго воеводы Крыштофомъ, будущимъ гетманомъ и побѣдителемъ Ивана Грознаго. Крыштофъ Радзивиль стоитъ послѣднимъ въ ряду гениальныхъ Радзивилловъ, которыми эта фамилія съ рѣдкимъ постоянствомъ, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, надѣляла Литву. Но пока онъ былъ только крайній литовскій и, какъ младшій членъ патриархальнаго семейства, совершенно заслоненъ фигурой отца. Ни теперь, ни впоследствии, мы не замѣчаемъ въ немъ собственно литовскаго патриотизма.

Наравнѣ съ Радзивилами стояла другая литовская фамилія—Ходкевичи. Янъ Іеронимовичъ Ходкевичъ ¹⁾, отецъ того Ходкевича, который дѣйствовалъ при самозванцахъ, провелъ свои молодые годы за границей, припалъ сначала протестантизмъ, потомъ перешелъ къ кальвинизму и кальвинистомъ вернулся на родину. Скоро высказались его военные и административные таланты. Онъ разбилъ московскія войска при Улѣ и принималъ Инфлянты въ подданство польскому государству. Быстро поднимаясь по іерархической лѣстницѣ, онъ достигъ званія виленскаго каштеляна, старосты жмудскаго, великаго литовскаго маршала, губернатора инфлинтскаго, гетмана литовскаго и проч. и проч.

Янъ Іеронимовичъ Ходкевичъ былъ совершенною противоположностью воеводѣ виленскому Радзивилу. На сколько Радзивиль относился ко всему скептически, былъ скрытенъ и сдержанъ, на столько же Ходкевичъ былъ склоненъ дѣйствовать по увлеченію, подъ вліяніемъ впечатлительной природы. Онъ вообще былъ скоръ на расправу. Двѣнадцать драбантовъ, готовыхъ исполнять его повелѣнія, всегда стояли у дверей его кабинета. Каштелянъ былъ способенъ быть иногда

¹⁾ Онъ подписывался и Яномъ Іеронимовичемъ и Яномъ Карломъ. *Niesiecki*; Рук. Имп. Публ. Библ., F, 253; польск. актъ Литовской конфедераціи.